

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

ЕЛЕНА ВОЛЯНСКАЯ,

кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (Харьков)

Подростковая агрессия в контексте современной социокультурной ситуации

Abstract

In the article, there are analyzed social determinants of the teenager aggression, value standards of aggressive behavior, role of the mass media in socialization of aggression. Aggression of person is regarded as a product of social and cultural situation, in the context of norms and values of social system. The sociological interpretation of the teenager aggression phenomenon presented by the work in the context of the current social and cultural situation is based on methodological principles of T.Parsons's and M.Weber's theories.

Анализ подростковой агрессии необходимо, на наш взгляд, осуществлять в двух направлениях: с точки зрения целерациональной мотивации (инструментальности) действия и с позиции ценностно-рационального действия. При этом следует заметить, что целерациональный и ценностно-рациональный виды агрессивного поведения (являясь, по М.Веберу, идеальными типами социального действия) достаточно редко встречаются в “чистом” виде. Это свидетельствует не столько о недостатках данной типологии, сколько о взаимовлиянии различных факторов действия. Так, агрессия подростков, вызванная фрустрацией актуальных потребностей (в признании,

доверии, самоактуализации и др.), в итоге превращается в характерную черту подростковой субкультуры, которая может и не иметь явной функциональной обусловленности.

Целесообразно выделить три мотивационные ориентации инструментальной агрессии. Первая, катектическая ориентация — это ориентация относительно баланса удовлетворения–неудовлетворения, которая исходит из потребностей организма. Но, с точки зрения теории действия, конкретная “организация” мотивации не может анализироваться лишь в терминах потребностей организма [1, с.466]. Организация элементов действия, прежде всего, является функцией отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, то есть опыта. Поэтому вторым аспектом является когнитивный. В рамках когнитивно-бихевиористской концепции подростковую агрессию рассматривают в качестве результата специфического социального научения. При этом считается, что основания развития и закрепления агрессивного поведения следует в первую очередь искать в том, как родители воспитывали своих детей в первые годы жизни, а также в более поздние периоды, включая и подростковый возраст. Третьим аспектом мотивации является оценочный аспект, поскольку в системе координат действия субъект сталкивается с вариантами последнего, вероятностными реакциями “другого” на возможные действия “Я”. Поэтому выбор агрессии в качестве способа достижения цели опирается на оценку ситуации с точки зрения эффективности предполагаемых действий и ожидания последствий реакции.

Сущность ценностно-рациональной агрессии состоит в ценности агрессивного поведения самого по себе. По Т.Парсонсу, ценностная ориентация касается не значения предполагаемого состояния дел для действующего лица с точки зрения баланса удовлетворения–неудовлетворения, а содержания самих стандартов выбора. В этом смысле понятие ценностной ориентации связано с выражением культурной традиции в системе действий. Из определения нормативной ориентации и роли ценностей в действии следует, что все ценности включают то, что можно назвать социальным значением.

Целерациональность подростковой агрессии можно объяснить, с одной стороны, конфликтом между специфическими потребностями подростка и возможностью их реализации, а с другой — защитной реакцией на гормональные, психологические и социальные изменения, сопровождающие процесс взросления.

Связанная с пубертатной стадией гормональная перестройка организма активизирует сексуальную энергию, рождая новые потребности и, вместе с ними, комплексы, страхи, опасения. К этому примешивается чувство стыда, связанное с переживанием тех внешних изменений, которые не всегда нравятся самому подростку. Поэтому логично, что дискомфорт и чувство неполноценности подростка, вызванные этими переживаниями, могут проявиться в подлинной враждебности к окружающим. Смягченной формой реакции являются робость и застенчивость. Помочь ребенку пережить этот переломный момент может чувство идеальной, чистой влюбленности, а также переориентация (сублимация) растущей сексуальной энергии на процесс творчества, созидания, способствующий духовному развитию [2, с. 67–76]. Подростку необходима реализация этой энергии. Иначе, лишенный возможности сублимировать ее в какой-либо интересной для него деятельности, он доказывает окружающим свою “взрослость” различного рода девиантными выходками (курением, использованием ненормативной лек-

сики, мелким хулиганством и т.п.) либо, наоборот, пытается “закрыться” в своем внутреннем мире.

С другой стороны, защитная реакция связана с процессом социального становления, который, так или иначе, вызывает конфликт между ценностями массового и индивидуального сознания и в результате трансформирует внутренний мир ребенка. При этом можно говорить о специфических потребностях подросткового возраста, связанных с процессом формирования личности. Это потребность в социальной самоидентификации, индивидуализации, самоактуализации (творчестве), близком друге, выборе жизненной стратегии. Проблемы реализации этих потребностей на микросоциальном уровне связаны с характеристикой социального окружения подростка (семьей, школой, сверстниками), на более высоком (макросоциальном) уровне — с особенностями социокультурной ситуации, в которой формируется личность.

Речь идет об экономической и политической нестабильности, отсутствии устоявшейся системы ценностей, глубинной дифференциации молодежи по социально-экономическому статусу, динамичности социальных процессов. Следует заметить, что форма и характер целерациональной агрессии обусловлены когнитивными и оценочными факторами: силой побуждения к агрессии, силой факторов, тормозящих данное поведение, знанием конструктивного разрешения ситуации.

Тип перехода от детства к взрослости зависит от того, насколько велик разрыв в нормах и требованиях, которые предъявляет данное общество к ребенку и взрослому. Там, где эти требования более или менее однообразны, развитие протекает медленно, и ребенок достигает статуса взрослого постепенно. В других обществах нормы поведения детей и взрослых различны и даже противоположны. Детский возраст считается игровым, свободным. От взрослого же ожидают высокой степени индивидуальной ответственности. От ребенка требуют послушания, от взрослого — инициативы и самостоятельности. Другими словами, чем выше темп исторического развития, тем заметнее различия между поколениями, тем сложнее механизмы трансмиссии, передачи культуры от старших к младшим и тем избирательнее отношения младших к своему социальному и культурному наследию [3, с.12].

Сегодняшний тип общества, по определению Маргарет Мид, является префигуративным, в котором межпоколенная трансмиссия культуры предполагает не только информационный поток от родителей к детям, но и встречную тенденцию: молодежная интерпретация современной социальной системы и культурного наследия оказывает влияние и на старшее поколение. Этим М.Мид объясняет и молодежную “контркультуру” [4].

В данном случае важно понять конкретные социально-возрастные и межпоколенные различия, которые и “составляют” конфликт, провоцирующий проявление подростковой агрессии. При этом необходимо учитывать некоторые методологические детали. Во-первых, как сопоставить субъективно приписываемые свойства или объективные различия, которые сами люди могут и не осознавать? Можно узнать мнение подростков о том, чем и насколько они отличаются от представителей старшего поколения. А можно “объективно” сопоставить типичные для тех и других формы поведения, ценностные ориентации, самооценки и т.п. Оба подхода законны и правомерны, но результаты, как отмечает И.Кон, как правило, не совпадают. Подростки и юноши склонны преувеличивать степень своих отличий от стар-

ших. Нередко эту ошибку допускают и взрослые. Во-вторых, часть различий обусловлена возрастом: молодые больше ценят новизну и броскость, более зрелые люди — солидность и надежность. Некоторые различия (например, музыкальные вкусы) объясняются спецификой культурной среды, к которой человек принадлежал в годы своего формирования, а часть из них (например, уровень образованности) обусловлены макросоциальными, историческими процессами [3, с.15]. В-третьих, степень сходства и преемственности неодинакова в разных областях жизнедеятельности. В сфере потребительских ориентаций, досуга, художественных вкусов, сексуальной морали расхождения между родителями и детьми, между старшими и младшими, как правило, значительно, чем в главных социальных ценностях. Молодежь всегда хочет отличаться от старших, и легче достичь этого с помощью внешних аксессуаров. Таким образом, с помощью молодежной моды, молодежного сленга, музыкальных увлечений и т.п. отличают “своих” от “чужих”. В определенном смысле это является одной из сторон процесса идентификации (самоидентификации), который в социологической трактовке означает процесс и результат освоения индивидом нормативных стандартов поведения, ценностей, идеалов, ролей, системы качеств представителей тех социальных групп, с которыми он себя отождествляет [5, с.17].

Эрих Фромм считал самоопределение одной из главных потребностей человека. Противоположным ему (самоопределению) является чувство неопределенности и непричастности. По мнению некоторых психологов, те, кто плохо относится к своей нации, считая себя приятным исключением из нее, агрессивны и в отношении других наций [6, с.96]. Этот факт трактуется следующим образом: если человек не ощущает себя защищенным в большом сообществе, не чувствует себя частицей этого целого и не входит в какой-то природный (естественный) коллектив (каковым и является нация), в нем живут страх, тревога. Отсюда и агрессивность: нападение — лучшая защита, и его нападение — не что иное, как попытка защитить себя. То есть агрессия обусловлена прежде всего потребностью в самосохранении. Многие исследователи указывают на характерную для подросткового возраста потребность в коллективе сверстников. Это можно объяснить потребностью в защите собственных интересов в группе равных себе и противопоставлением своего мира миру взрослых.

Результаты проведенного нами исследования¹ показали, что целерациональность агрессивного поведения “асоциальных” подростков была преимущественно следствием проблемной коммуникации с референтной группой. Наиболее сильными факторами, вызывающими всплеск агрессивных эмоций у большей части юношей и девушек, являются обсуждение их за спиной или открытое высказывание критических замечаний (так считают 54% при-

¹ Эмпирической базой данной статьи служат результаты социологического исследования, проведенного кафедрой социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина (респонденты — учащиеся харьковских школ и ПТУ в возрасте 12–17 лет, N= 1274), а также данные опроса воспитанников Луганской исправительной колонии и Старобельского следственно-трудового изолятора (возраст респондентов — 16–19 лет, N = 360). Респондентов из харьковских школ и ПТУ мы называем (условно) “нормальными”, а из Луганской исправительной колонии и Старобельского следственного изолятора — “асоциальными”.

надлежащих к группе подростков), а также ложь (46%). Эти данные подчеркивают актуализацию потребности подростков в доверии, уважении и принятии со стороны окружающих. Так, многих из них “злит”, когда на них кричат (41%), когда берут их вещи (36%), посягая этим на личное пространство.

Результаты исследования показали, что чем старше ребенок, тем сложнее его отношения с родителями. Ответная реакция на непонимание со стороны родителей часто принимает у подростков разные формы протеста, который проявляется в открытом неповиновении, негативизме и агрессии. Так, ссоры с родителями вызывают приступы агрессии у 43% респондентов. Конфликты детей и родителей возникают преимущественно, в связи с расхождением мнений по поводу прав и обязанностей детей и родителей, взрослых и подростков. Важным условием преодоления (разрешения) конфликта (если он возник) является изменение стиля общения с подростком, приближение его к стилю взрослого общения. Речь идет о возможности отстаивать свое мнение, давать советы и, вместе с тем, более высоком уровне ответственности за сказанное. Иными словами, это означает максимальное делегирование подростку ответственности за его поступки и наделение его свободой действий.

В подростковом возрасте ребенок начинает более активно оценивать психологическую атмосферу в семье, осознавая причины и последствия ссор и конфликтов между родителями. Поэтому, несмотря на то, что с возрастом увеличивается его самостоятельность и относительная независимость, не уменьшается и необходимость в ощущении опоры и защиты, которое дает крепкая семья. Это подтверждается результатами нашего опроса, в котором 54% “асоциальных” подростков отметили частые ссоры в семье, а 44% “нормальных” связывают собственные вспышки агрессии с конфликтами родителей.

Состояние фрустрации, вызванное неудовлетворением тех или иных желаний, вызывает агрессию, по нашим данным, приблизительно у одной пятой “агрессивных” респондентов: 18% подростков злятся, когда не могут получить то, о чем мечтают, у 22% агрессия возникает в ответ на проигрыш, неудачу. Немногие (лишь 6% опрошенных) признались, что их раздражают новые вещи или успехи других. Из факторов окружающей среды наиболее сильное влияние на возникновение агрессии оказывают теснота (24%), шум (20%), жара (10%). Фактором, провоцирующим агрессию, 18% подростков признали голод.

Таким образом, целерациональность агрессивного поведения “асоциальных” подростков главным образом объясняется защитной реакцией на критику, ложь, неуважительное отношение со стороны окружающих, а также фрустрацией определенных потребностей, связанных с отсутствием возможности реализовать свои желания.

Помимо фрустрации актуализирующихся в этом возрасте потребностей, можно предположить, что подростки имеют больше оснований для проявления агрессии в качестве защитной реакции по сравнению с другими категориями населения. Свидетельством тому являются результаты масштабного социологического исследования, проведенного на базе Уральского государственного профессионально-педагогического университета. По данным уральских социологов, подростки подвергаются агрессии гораздо чаще, чем другие категории населения [7, с.134–136].

Исследование подтвердило, что насилие по отношению к подросткам распространено очень широко. Так, со словесными оскорблениями в свой адрес сталкиваются 73,8% опрошенных детей. Хотя вообще вербальная агрессия не рассматривается ими как насильственное действие и является привычной частью жизни. Понятие “боль” и “унижение” в большей степени связывают с физическим, сексуальным и экономическим насилием. Физическому насилию подвергается треть подростков. Ущемление гражданских прав и экономическое насилие (кража, вымогательство) испытывал каждый пятый (23,8%). Девочки чаще подвергаются сексуальному насилию, а мальчики — вымогательству и побоям.

Исходя из ответов подростков, внешний мир воспринимается подростками как некая агрессивная среда, в которой нужно вести себя осторожно. Наиболее явным фактором, провоцирующим агрессивное поведение людей, по мнению подростков, является употребление наркотиков (так считают 58% опрошенных) и алкоголя (57%). При этом отмечается, что, нанося побои в состоянии опьянения, человек часто не имеет никакой заранее определенной цели. В то же время почти половина подростков называют основной причиной насилия корыстные побуждения, а 42% отмечают в качестве причины насилия желание людей добиться превосходства.

Исследование показало, что многие подростки, связывая агрессию с подчинением другим, считают насилие легитимным элементом механизма власти и соглашаются с тем, что такой тип отношений имеет право на существование во всех сферах общественной жизни. Треть опрошенных отметили, что насилие возникает в ответ на насилие, и привели примеры своего собственного поведения, продемонстрировав, как агрессия (оправданная механизмом самозащиты) превращается в своеобразную жизненную позицию, механизм социализации, позволяющий успешно действовать в обществе. В таком качестве агрессия часто перерастает вызвавшую ее функциональную потребность в защите и становится ценностным поведением, самоцелью.

Интересное исследование, направленное на выявление взаимосвязи между реальными типами социальных ситуаций (провоцирующими агрессию) и личностными характеристиками индивидов, проведено преподавателем кафедры психологии Черниговского государственного педагогического университета А.Дроздовым [8, с.95–98].

Как свидетельствуют результаты данного исследования, совершеннолетние чаще используют косвенные формы агрессии. При этом девушки больше склонны к вербальным, а юноши — к физическим формам агрессии. В результате антипатии к человеку агрессивно ведут себя 75% юношей и 87% девушек. Если для первых предпочтительней оказывается “физическая — пассивная — косвенная” форма, то для вторых — “вербальная — активная — косвенная” и “физическая — пассивная — косвенная” формы [8, с.95–98]. Плохое настроение провоцирует агрессию приблизительно у двух третей респондентов всех категорий. Пребывание в нетрезвом состоянии способствует проявлениям агрессии у 11–16% молодежи. Соотношение типов реакции в различных возрастных группах является примерно одинаковым. При этом девушки реже выбирают прямые формы агрессии.

Ненамеренные словесные оскорбления не провоцируют агрессию у большинства респондентов всех групп. Намеренное словесное оскорбление большинство всех групп соотносит с “вербальной — активной — прямой” формой агрессии (типа “дурак — сам дурак”). Ответная реакция чаще про-

является у подростков и девушек. Намеренная физическая агрессия вызывает ответную реакцию у 82% подростков, 66% совершеннолетних респондентов, 69% юношей и 78% девушек. При этом юноши, как правило, прибегают к активным и прямым формам физической и вербальной агрессии, девушки предпочитают последнюю. Разное влияние на проявление агрессивности у респондентов разных возрастных групп оказывает пребывание в компании друзей. Так, на наличие агрессивных реакций в данном случае указывают 11% подростков и 29% взрослых респондентов. Обе группы выбирают “вербальную – активную – косвенную” форму, однако подростки более склонны к проявлению физической силы. Влияние половой принадлежности на специфику реагирования не обнаружено.

Современное украинское общество находится в маргинальном состоянии, переживая крах социокультурных стереотипов, и пока еще не может предложить молодым людям устоявшейся системы ценностей. Складывается парадоксальная ситуация. Отсутствие такой системы ценностей существенно усложняет процесс социализации молодежи, но с другой стороны, помогает избежать того кризиса идентичности, в том числе и ценностного, который переживают старшие поколения.

Динамичность социальных процессов в современной Украине не дает возможности молодому человеку планировать свою жизнь, устанавливать конкретные сроки реализации тех или других поставленных перед ним целей. Эти цели, как правило, носят лишь стратегический характер: получить хорошее образование, создать семью и т.д. Поэтому сегодня социальное самоопределение у многих подростков сопровождается чувствами беспокойства и неуверенности в себе, в своем будущем. Эти чувства перерастают в замкнутость, снижение самооценки, агрессивность. Высокий уровень эмигрантских настроений (40% в целом по массиву “нормальных” подростков) свидетельствует о тревоге по поводу возможности устроить свое будущее в родной стране.

Резюмируя анализ целерациональной агрессии, подчеркнем, что функциональность агрессивного поведения подростков на микросоциальном уровне связана с фрустрацией актуальных потребностей подростков в доверии, любви, творчестве, признании, принадлежности к группе и т.д., а на макросоциальном — с чувствами тревожности и неопределенности, сопровождающими процессы самоопределения. Последние в современном украинском обществе сопровождаются растущей поляризацией украинской молодежи, нестабильностью, отсутствием устоявшейся системы ценностей [9, с.123].

Ценностно-рациональная (враждебная) агрессия имеет глубокую культурную обусловленность и связана с процессом социализации. В пользу данной концепции говорит то, что ребенок, как правило, не выбирает агрессию осознанно, а отдает ей предпочтение, не имея навыков конструктивного решения своих проблем.

В рамках возрастной концепции Л.Вygотского начало подросткового возраста рассматривается как кризисный этап развития, характеризующийся повышенной агрессивностью, конфликтностью. Однако внешние агрессивные действия не обязательно свидетельствуют о рациональности данного поведения. В среде сверстников, наиболее значимой для подростка, конфликтное поведение зачастую оказывается нормативным, а отклонение от установленных форм поведения может сопровождаться негативной реакцией группы. Социальные психологи Красноярского государственного универси-

тета выдвинули гипотезу о том, что применение подростками агрессивных тактик поведения представляет собой для самих подростков активность в целях самоутверждения и лишено мотива, связанного с причинением вреда или ущерба другому лицу. В таком случае, даже при обилии подобных форм поведения не происходит “деструкции самого взаимодействия” [10, с.56–63].

На основе результатов анализа речевых взаимодействий испытуемых (подсчитывалось общее количество реплик и процентное содержание в их числе агрессивно-доминантных реакций) коллеги из Красноярского университета предположили, что несмотря на то, что в конфликтных взаимодействиях подростков большую часть реплик (43–62%) можно отнести к агрессивным, с точки зрения “взрослой” культуры, высказываниям, к деструктивным последствиям это не приводит. То есть подростковая агрессивность в межличностных взаимоотношениях чаще выполняет просто демонстративную функцию. Таким образом, в данном случае нельзя говорить об агрессивности как о черте характера ребенка, по крайней мере на старте подросткового возраста, поскольку контекст его поведения не соответствует внутренним установкам.

Обнаружилось также, что девочки в условиях конфликта более ориентированы на “дипломатическое” взаимодействие, чем на доказательство собственной правоты. По результатам нашего исследования, девочки значительно реже участвуют в откровенных проявлениях агрессии (драки, разбой, хулиганство), и, как выяснилось, их агрессивность в большей мере, чем у мальчиков, носит характер ответной реакции. Вместе с тем, несмотря на существенные различия в количественных показателях приводов в милицию мальчиков и девочек, качественные показатели (связанные с характером правонарушений), в сущности, были одинаковыми. Для девочек агрессивные формы поведения чаще, чем для мальчиков, выступают именно как деструктивные, ведущие к нарушению совместных действий и отношений. Для них агрессивное поведение оказывается вдвойне конфликтным, так как оно противоречит не только одобряемому взрослыми поведению, но также и к культурным стереотипам женского поведения, усвоенным в процессе социализации.

Таким образом, ценностно-рациональная агрессия подростков часто связана с социальными ориентациями, формируемыми обществом, но одновременно создающими такую основу личности, которая в значительной степени становится “независимой” и выполняет функции механизма саморегуляции поведения. Для анализа природы ценностно-рациональной агрессии мы используем понятие “социализация агрессии”, понимая его как процесс и результат усвоения навыков агрессивного поведения и развития агрессивной готовности личности в ходе приобретения социального опыта. Основными агентами социализации агрессии в настоящее время, по данным большинства исследований, являются семья, сверстники, а также средства массовой информации [11, с.15].

Целесообразно, как предлагает А.Реан, различать типы ординарной и парадоксальной социализации агрессии. Ординарная социализация агрессии — это непосредственное усвоение навыков агрессивного поведения и развитие агрессивной готовности личности в результате деятельного опыта либо вследствие наблюдения агрессии. При парадоксальной социализации агрессии изменения личности происходят независимо от вышеупомянутых факторов. Агрессивность, как устойчивая личностная характеристика, формируется вследствие значительного опыта подавления возможностей само-

реализации. Подавление осуществляется вне агрессивного контекста. Напротив, блокирование актуальных личностных потребностей чаще всего связано с излишней заботой о личности в рамках воспитательной стратегии, описываемой как “гиперопека”.

А.Реан выявил высокий уровень агрессии в группе внешне вполне благополучных старшеклассников. Более половины (53%) участников эксперимента дали высокие показатели по параметру “спонтанная агрессия”, достоверно низкие — только 9%. Парадоксальную социализацию агрессии можно рассматривать как агрессивный след социального опыта, лишшающего личность самостоятельности. Подтверждением адекватности примененного подхода являются полученные данные о прямой связи таких личностных качеств, как “застенчивость” и “спонтанная агрессивность”.

Включение агрессивных форм поведения в систему жизненных установок личности является результатом усвоенных в процессе социализации ценностных образцов. Становление агрессивного поведения — сложный и многогранный процесс, в котором задействованы основные социализирующие факторы: семья, сверстники, школа, средства массовой информации. Именно благодаря влиянию различных агентов социализации агрессия “вплетается” в поведенческий репертуар подростков, становясь неотъемлемой частью подростковой субкультуры, которая в префигуративном обществе все более определяет тенденции культуры общества.

Семья по-прежнему остается наиболее влиятельным институтом социализации. Но нельзя не отметить ослабления ее роли в этом процессе, связанного с целым рядом причин, среди которых: кризис системы общественного воспитания (детские сады, школы); изменение самой семьи (снижение стабильности, малолетность, ослабление традиционной роли отца, трудовая занятость женщины и т.д.); изменение стиля внутрисемейных отношений. Крушение авторитарного воспитания сделало взаимоотношения родителей и детей более мягкими, доверительными и эмоционально более значимыми для обеих сторон. Вместе с тем индивидуализация отношений делает их более хрупкими, особенно в подростковом возрасте. Неизменным остается то, что в силу первичности семейного влияния заложенные родителями правила поведения, нормы, ценности, обычаи, особенности мироощущения являются для личности наиболее глубинными, определяющими характер восприятия всего дальнейшего процесса социализации.

Одним из основных показателей эмоциональной атмосферы в семье является уровень конфликтности семейных отношений (“ссоры между родителями или между родителями и другими родственниками”), который влияет на возникновение состояния напряженности у детей и развитие агрессивных форм поведения как способа снятия эмоционального напряжения. В нашем исследовании в группу лиц, воспитывающихся в атмосфере частых семейных ссор, вошли 47% подростков-правонарушителей. Вопреки всем ожиданиям, тактика их поведения во время конфликтов не значительно отличалась на фоне всего массива респондентов. Они ненамного чаще остальных во время конфликта прибегают к крикам, угрозам, оскорблению, использованию физической силы. Однако существенным отличием данной группы от всего массива опрошенных были ответы на вопрос “Как Вы будете наказывать своих детей, когда станете родителями?”. Самыми эффективными способами воспитания детей были названы: отказ от общения с ребенком (73%), шлепки, подзатыльники (25%), наказание “ремнем” (23%), крик (10%).

Сравнение стратегий поведения в конфликтных ситуациях школьников и воспитанников колоний показало, что если для школьников агрессия (прежде всего вербальная) и желание найти компромисс являются основными моделями поведения при выяснении отношений как с родителями, так и со сверстниками, то подросткам-правонарушителям более присущи агрессия (чаще физическая) в отношениях со сверстниками и уход от конфликта (любой ценой, вплоть до суицида) в отношениях с родителями. Таким образом, напряженность в отношениях с родителями трансформируется у подростков в агрессивные формы поведения по отношению к окружающим и себе, а также формирует когнитивные модели агрессивного поведения.

Изучение зависимости между практикой семейного руководства и агрессивным поведением детей сосредоточилось в основном на характере и строгости наказаний, а также на контроле поведения детей. В целом выявлено, что жестокие наказания связаны с относительно высоким уровнем агрессивности детей [2], а недостаточный контроль и присмотр за детьми коррелирует с высоким уровнем асоциальности, зачастую сопровождающимся агрессивным поведением. Во-первых, любое наказание связано с демонстрацией тех форм поведения, посредством которых взрослый пытается повлиять на поведение ребенка, что является своеобразной тактикой давления и принуждения. Результатом таких наказаний является убежденность подростка в том, что наиболее эффективным способом давления на других является агрессия, что жертву всегда нужно выбирать меньше и слабее себя. Во-вторых, дети, которых слишком часто наказывают, в итоге стремятся избегать родителей или оказывают им сопротивление. Если наказание не повлекло за собой желаемого изменения поведения ребенка, в дальнейшем скорректировать его более мягкими методами уже не удастся. Воздействие наказаний представляется довольно «длительным». Лонгитюдные исследования Л.Эрона и его коллег выявили, что суровость наказаний, применявшихся к восьмилетним детям, коррелировала с агрессивностью их поведения в 28–30-летнем возрасте [12, с. 849–867]. В-третьих, если наказание слишком возбуждает и расстраивает детей, они склонны забывать причину, породившую подобные действия [13, с. 139–173]. И наконец, нормы поведения, привитые благодаря сильному наказанию, не становятся для ребенка внутренними ценностями. Это означает, что им повинуются до тех пор, пока осуществляется наблюдение. В сущности, наказание заставляет скрывать внешние проявления своего поведения, но не устраняет его.

В рамках проведенного нами исследования в выборке «асоциальных» подростков (осужденных за проявления крайних форм агрессии) было выделено две группы. В первую вошли те, кого родители «часто» и «очень часто» били (40%), во вторую — те, кого родители вообще ни за что не наказывали (25%). В результате сравнительного анализа не было обнаружено каких-либо очевидных различий в поведении подростков. Хотя следует заметить, что вторые в большей степени склонны к выбору радикальных методов разрешения конфликтов, а также участию в групповой агрессии. Таким образом, попытки сдерживания агрессивного поведения ребенка с помощью физических наказаний зачастую напоминают метание бумеранга, но полное отсутствие контроля со стороны родителей, безнаказанность и вседозволенность не менее опасны.

Отсутствие доверительных отношений между родителями и ребенком в детские годы значительно увеличивает «пропасть» между ними в подрост-

ковом возрасте. Чем больше родители “нажимают” на поведение, успеваемость и прочие формально-ролевые (хотя, безусловно, важные) аспекты жизни детей, тем более сухими, казенными, регламентированными становятся их отношения. Здесь особенно трудно приходится отцам. Конфликт поколений не случайно формируется как столкновение отца и сына. Не касаясь “эдипова комплекса”, по мнению И.Кона, распространенность таких конфликтов можно объяснить, с одной стороны, социальными причинами (эмансипацией от отцовской власти, борьбой сына за право самостоятельно выбирать жизненный путь), а с другой стороны, психологическими (жесткостью и бескомпромиссностью мужского характера).

Данный феномен был обнаружен и в рамках нашего исследования. Было установлено, что характерной чертой подростков, осужденных за то или иное правонарушение, является отсутствие доверия к отцу. Так, на вопрос “Кому бы Вы могли признаться в совершении преступления?” лишь 25% респондентов ответили, что обоим родителям, 44% — только матери, 12% — только отцу. В выборке “нормальных” подростков (примерно при том же показателе доверия матери) доверительные отношения с отцом имеют вдвое больше респондентов.

В данном контексте целесообразно упомянуть об исследованиях А.Геттинга, С.Пика, Дж.Фишера, П.МакКарти и др., где была установлена корреляция между детской агрессивностью в полных и неполных семьях. По сообщению Бюро судебной статистики США, 7% задержанных полицией подростков воспитывались в неполных семьях [14]. В нашем исследовании 40% респондентов воспитывались в семьях без отца. Р.Бэрон считает, что полные семьи отличаются от неполных не только большей заботой о детях и наличием позитивно дисциплинирующего отцовского воспитания, но также и более высоким уровнем образования и благосостояния.

В своем исследовании мы также попытались установить связь между этими переменными. Как явствует из полученных результатов, доля родителей с высшим образованием в выборке “асоциальных” подростков оказалась небольшой. Лишь у каждого десятого воспитанника колонии отец, мать (или оба родителя) имеют высшее образование. Доля матерей, применяющих в воспитательных целях физические наказания, незначительна и снижается в зависимости от повышения уровня образования: “бьют” своих детей 26% матерей с неоконченным средним образованием и 16% матерей с высшим образованием. Отцы же с высшим образованием применяют физические формы наказания крайне редко, а в нашем исследовании таковых вообще не оказалось. Объяснить это можно двумя причинами. С одной стороны, профессиональной загруженностью, которая может быть более свойственна людям с высшим образованием (и в этом случае на ребенка просто не остается времени). С другой стороны, более высокий уровень образованности родителей предполагает знание более широкого спектра альтернативных педагогических приемов.

Одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование личности и, в определенной степени, обуславливающих воспитательный потенциал семьи, является материальное положение последней. Реальная оценка материального положения семьи приходит именно в подростковом возрасте. Невозможность реализовать свои желания, связанные, главным образом, со стремлением “не отбиться от коллектива”, быть модным (чтобы причислять себя к членам той или иной социальной группы), актуа-

лизирует потребность в безопасности, рождает агрессию по отношению к родителям, сверстникам, себе, стране. Можно определять эту агрессию как ценностную, связанную с ценностными стандартами, значимыми в определенной группе. Она является следствием фрустрации — краха ожиданий, а также чувства депривации: у всех есть, а у меня нет.

Результаты опроса “асоциальных” подростков (воспитанников исправительных учреждений) также демонстрируют неоправданно завышенную ими оценку материального положения своей семьи. Это, скорее всего, является желанием повысить свой социальный статус, поднять собственную самооценку. Так, лишь 17% воспитанников колонии считают себя выходцами из очень бедной, можно сказать, нищей семьи; 38% подростков оценили свое материальное положение более оптимистично: “денег хватает на продукты и покупку недорогих вещей”; 20% респондентов “жили обеспеченно и могли позволить себе все, кроме покупки дорогостоящих товаров длительного пользования (холодильник, телевизор)”; 22% относят себя к богатым, то есть тем, кто в любой момент может позволить себе все, кроме сверхценной покупки, к примеру, автомобиля. Есть и воспитанники, оценивающие материальный статус своей семьи как очень высокий. По их оценке, семья в любой момент могла позволить себе покупку автомобиля.

Рассматривая агрессию как следствие первичной (семейной) социализации, считаем полезным обратиться к “западному опыту” [15, с. 64–66]. Еще на рубеже 1960-х годов в западных обществах, с точки зрения Р.Инглехарта, произошла качественная переоценка ценностей. Ценностные приоритеты старших и младших возрастных групп существенно различались, что было результатом изменения социально-экономических условий, в которых росло старшее поколение. Старшие в своем поведении ориентируются в первую очередь на материальные, а младшие — на постматериальные ценности. Материалы ежегодных репрезентативных опросов (1970–1980) в шести западноевропейских странах подтвердили, что наблюдается совершенно четкая межпоколенная дифференциация, выражающаяся в ценностном сдвиге в сторону постматериальности младших возрастных групп. Сделанный Р.Инглехартом вывод дает основания говорить, что отцы и дети на рубеже 1960-х годов имели совершенно различное (если не противоположное) мировосприятие, не понимали друг друга [см.: 15].

Именно в этот период начало проявляться изменение характера социализации и социального контроля, хотя последнее было осознано (в форме острой проблемы) значительно позже. Так, если в 1960-е годы Т.Парсонс отметил лишь упадок значения семьи, то супруги Браунгард констатируют: в 1960-е годы в Америке широко обсуждалась проблема распада семьи и даже делались выводы об отмирании ее как социального института. Д. Коулмен выявил устойчивые тенденции снижения роли семьи и возрастания роли сверстников на фоне усиления возрастной сегрегации, то есть возрастания роли “улицы”. В целом это происходило из-за снижения не только роли семьи, но и роли школы.

Одна из главных тенденций переходного возраста — переориентация общения с родителями, учителями и вообще старшими на общение с ровесниками, более или менее равными по положению. Общество сверстников выполняет в процессе социализации ряд важнейших функций. Во-первых, как считает И.Кон, общение со сверстниками — важный специфический канал информации. Во-вторых, это специфический вид межличностных отно-

шений. В-третьих, это специфический вид эмоционального контакта. Другими словами, в обществе сверстников подростки находят (или надеются найти) то, в чем им отказывают взрослые: спонтанность, понимание, спасение от скуки и признание собственной значимости [16, с. 19].

Преимущественно “коллективный” характер подросткового общения был подтвержден и результатами, полученными в ходе нашего исследования. Выяснилось, что 57% опрошенных подростков имеют много друзей; 32% — несколько близких друзей; 6% — одного друга; 5% вообще не имеют друзей.

Вместе с тем следует отметить, что потребность в общении и аффилиации, то есть осознания своей принадлежности к какой-то группе превращается у многих подростков в непобедимое стадное чувство: они не только дня, но и часа не могут пробыть вне своей, а если таковой нет, то какой угодно компании. Особенно сильна такая потребность у мальчиков. Более половины наших респондентов отметили, что достаточно часто совершают какие-либо поступки “за компанию”. Таким образом, формирование личности в подростковом и юношеском возрасте характеризуется противоречивым переплетением двух потребностей: обособления (приватизации) и аффилиации, то есть потребности в принадлежности, включении в какую-то группу или общность.

Для любого подростка очень важен его социальный статус, а попытка создать о себе “личный миф” так или иначе связана с достижением определенного положения в коллективе. В современной школе критерии, определяющие социометрический статус старшеклассника, многогранны. Во-первых, существует социальное расслоение, особенно заметное в больших городах и проявляющееся как в неравенстве материальных возможностей, так и в характере жизненных планов, уровне притязаний и способов их реализации. Например, французские социологи Ш.Бодло и Р.Эстабль объясняют неповиновение учеников, постоянные на Западе приступы насилия в школах и дебоши с разгромом имущества стихийной классовой борьбой детей, которые видят в школе инструмент подавления их именно как детей эксплуатируемого класса. Во-вторых, складываются внутришкольные и внутриклассовые иерархии, основанные на официальном статусе учащихся, их учебной успеваемости или принадлежности к активу. В-третьих, происходит дифференциация авторитетов, статусов и престижа на основе неофициальных ценностей, принятых в самой ученической среде. В старших классах дифференциация межличностных отношений становится более заметной. Как показывают исследования Я.Коломинского, А.Киричука, Х.Лийметса и др., более резкой становится разница в положении “звезд” и “отвергаемых”, или “изолированных” [10, с.90].

Хотя до сих пор нет адекватных данных, свидетельствующих о наличии жесткой причинно-следственной связи между агрессивностью и социальным статусом среди сверстников, эксперимент Дж.Кои и Дж.Купершмидта продемонстрировал, что неприязнь сверстников и агрессивность — параметры, сохраняющиеся в различных ситуациях. То есть если ребенок агрессивен и нелюбим в школе, он, скорее всего, будет агрессивен и нелюбим и в другой обстановке. Однако, как показывают другие исследования, это вовсе не обязательно [14, с.34]. Р.Кейрнс и его коллеги утверждают, что агрессивные дети и подростки включаются в социальные группы с такой же вероятностью, как и неагрессивные сверстники. Но при этом первые склонны объединяться со столь же агрессивными сверстниками [17, с.10].

В этой связи целесообразно рассмотреть стихийные группы, поскольку они основаны преимущественно на межличностных отношениях и, в зависимости от направленности, могут быть как дополнением организованных коллективов, так и их антиподом. Подростки, оказавшиеся, по тем или иным причинам, аутсайдерами в школьном коллективе (что зачастую сопровождается нелюбовью со стороны одноклассников), могут резко изменить свой социальный статус в компании таких же, как они. Таким образом, принадлежность к компании повышает уверенность подростка в себе и дает дополнительные возможности самоутверждения. Из всего массива воспитанников колонии лишь 14% респондентов имеют друзей, которым они могли бы доверить тайну, к примеру о совершенном ими преступлении.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что аутсайдерское положение в классе не уменьшает тягу подростков к принадлежности к какому-либо коллективу, а также не снижает степень группового влияния. Об этом свидетельствует готовность к совершению поступка, особенно при условии, что ответственность за него перекладывается на плечи других. В проведенном нами исследовании в группе асоциальных подростков был задан вопрос: “Смогли бы Вы за компанию с кем-то избить человека или угрожать ему (например, с целью отомстить)?”. Такую готовность продемонстрировал каждый четвертый опрошенный, а 32% допускают подобную ситуацию. Твердо сказали “нет” лишь 17% подростков, а значительная часть их (27%) не смогли определиться с ответом.

Антисоциальные групповые действия являются одним из наиболее распространенных проявлений подростковой агрессии. Явление это многоуровневое. Самый глубинный, универсальный его пласт — противопоставление “мы” и “они” по территориальному принципу. Ослабление влияния семьи, особенно отцовского контроля, повышает степень идентификации мальчика-подростка с группой и создает так называемый эффект стаи. Так, при ответе на вопрос о причинах участия в драке каждый второй опрошенный изъявил готовность вступать в драку, дабы постоять за своего друга.

Территориальное деление дополняется и усугубляется социально-экономическим: город/пригород, центр/периферия, богатые/бедные и т.д. Основанием для непримирения служит депривация, которая является следствием сравнения собственных возможностей с возможностями других. На периферии или в пригороде формы социального контроля более жесткие, чем в центре. В глазах подростка из глубинки модная одежда и раскованное поведение его столичного сверстника — несправедливая привилегия. Протест против нее (привилегии) легко принимает агрессивные формы. Такого рода агрессия является следствием фрустрации тех или иных ценностей.

Подростки обычно действуют в расчете на “некую воображаемую аудиторию”. Потребность в индивидуализации сопровождается у многих созданием “личного мифа”, вымышленной биографии, поддержание которой требует постоянных усилий. Поэтому подростковое общение часто является напряженным, неестественным, имеет двойной план. Преодолевая неуверенность в себе, подростки могут вести себя достаточно агрессивно, грубить и дерзить собеседнику, к которому не питают никакого зла и который ничем не спровоцировал такого к себе отношения. Совершение запрещенных действий (от прогулов занятий, использования ненормативной лексики, курения до приема наркотиков) также нередко ориентировано на определенный эффект, рассчитанный на воображаемую аудиторию. Немотивированная ложь, как и не-

мотивированная жестокость, непонятны, если оперировать только непосредственными мотивами, не выходящими за пределы конкретной ситуации.

В связи с этим следует вернуться к уже затронутой идее о том, что агрессивное поведение подростков зачастую является одной из черт определенной субкультуры. А в этом случае мотив намеренного причинения вреда скорее вторичен. Другими словами, агрессивность может являться частью имиджа либо указывать на принадлежность к определенной группе. При этом такое поведение может не расцениваться самими подростками как агрессивное. Если же в основе молодежного течения лежит борьба (которая в любом случае предполагает агрессию), здесь очень важен миф, содержащий образ врага, а вместе с ним и образы сторонников и противников этого движения.

Ярчайшим примером такого ценностно-рационального поведения является современная подростковая рэп-культура. Возникнув изначально как способ самовыражения этнических и социальных меньшинств, рэп превратился в тотальную культуру молодежи вне зависимости от цвета кожи и социального положения. Таким образом, «культура» рэпа с самого своего возникновения приняла достаточно агрессивную форму.

Молодежные субкультуры (по Т. Парсонсу) выполняют одновременно и прогрессивные и деструктивные функции. С одной стороны, они ниспровергают традиционные системы ценностей, а с другой — являются средством, трансформирующим старые системы, приводящим их в соответствие со временем, создающим и утверждающим новые ценности. Присутствие обеих этих функций в субкультурах молодежных групп порождает, в свою очередь, внутренние и внешние конфликты.

Одним из наиболее влиятельных институтов социализации в современном обществе являются средства массовой информации. Прежде всего речь идет о телевидении как наиболее доступном, распространенном и, поэтому, популярном способе информирования и развлечения. Сегодняшний телеэкран крайне агрессивен, о чем свидетельствует анализ телевизионных сюжетов. Следует подчеркнуть, что большинство сцен насилия приходится на художественные фильмы и их рекламу, криминальную хронику, недоступную прежде широкому кругу зрителей. Немного меньше этих сцен в информационных и авторских программах.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что в иерархии телевизионных предпочтений юного поколения самые высокие позиции занимают развлекательные передачи (71% опрошенных придерживаются данного мнения) и художественные фильмы (68%). Учитывая популярность последних, в процессе исследования мы проанализировали их жанровый репертуар, с помощью контент-анализа городских газет с анонсами фильмов, демонстрируемых в течение месяца по пяти телеканалам г. Харькова и трем общенациональным. Полученные данные свидетельствуют, что комедийные и мелодраматические ленты (в том числе и телесериалы) лидируют по своему присутствию в сетке теле вещания. Однако если суммировать все предлагаемые фильмы агрессивного содержания (боевики, детективы, триллеры, мистику, фильмы ужасов), то их количество составляет в среднем 15 фильмов в день.

В настоящее время четко установлены эффекты влияния деструктивной агрессии на поведение зрителей. Первый из них — обучение посредством наблюдения — хорошо изученный феномен, описанный в работах А. Бандуры. Суть его состоит в том, что человек, ставший свидетелем агрес-

сии, открывает для себя новые вербальные и физические формы агрессии, которые ранее отсутствовали в его поведенческом репертуаре. Следующим эффектом является снятие запрета, состоящее в том, что наблюдение за безнаказанным проявлением агрессии со стороны других увеличивает вероятность проявления агрессивных действий со стороны наблюдателя. По данным нашего исследования, каждый третий подросток (в группе с асоциальной направленностью) смог вспомнить ситуацию, когда он совершал какие-либо поступки под впечатлением от увиденного на телеэкране. А 35% подростков, принадлежащих к этой группе, признались, что хотя таких ситуаций не было, они не исключают их вероятность.

Постоянные наблюдения сцен насилия способствуют также постепенной утрате эмоциональной восприимчивости к агрессии и признакам чужой боли. В результате насилие перестает рассматриваться наблюдателем в качестве неприемлемой формы поведения. Иллюстрируют данный эффект результаты лонгитюдных исследований. Так, Л.Хьюсманн, Л.Эрон, Дж.Лефковиц в течение 22 лет отслеживали корреляцию между просмотром телепередач и агрессивностью. При этом было выявлено, что привычки телезрителя в восьмилетнем возрасте коррелируют с тяжестью совершенных им преступлений и вынесенных ему приговоров в возрасте 30 лет [18, с.1120–1134].

Наконец, телевизионные сюжеты, перенасыщенные сценами насилия и жестокости, ведут к изменению индивидуального образа реальности. Это означает, что люди, часто наблюдающие насилие, склонны ожидать его в большинстве ситуаций и воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный по отношению к ним. Такое искажение реальности формирует обостренное ощущение угрозы и склонность защищаться, реагируя агрессивно. В ходе интервью с воспитанниками колонии мы отметили, что многие подростки (совершившие тяжкие уголовные преступления) отрицают свое пристрастие к сценам насилия на телеэкране, но в целом не осуждают (а скорее одобряют) показ подобных сцен, мотивируя это тем, что «такова реальность». Так, 84% респондентов не считают нужным запрещать или ограничивать показ насилия. При этом около трети из них отметили, что «стараясь не смотреть подобных сцен».

Следует отметить, что на телевидении происходит снижение «гуманистического» пафоса экранного насилия. Телевидение, будучи электронным средством информации, деформирует эстетику кино, минимизируя силу его воздействия и этическую ценность. На низкий эстетический статус телевидения обращает внимание У.Эко [19, с.162].

Характерной тенденцией в подаче материала СМИ (особенно на телевидении) является «смешение» жанров, стирание граней между реальными событиями и беллетризованными фактами. Молодежная аудитория с трудом может отличить реальные события от мнимых, подаваемых в реалистической манере. На Западе этот процесс идет также в направлении слияния новостей и развлекательных программ. В 1990-х годах в США как ТВ-индустрия, так и широкая публика стали перед проблемой так называемого «трэш ТВ» («таблоидного», «реального», «шокового»). Оно привлекло к себе внимание и деятелей образования. К категории «трэш» обычно относят программы авторского телевидения, построенные по принципу диалога со зрителями, и «журналы новостей».

Таких программ становится все больше и больше, как в США, так и в других странах, в том числе на отечественном телевидении. В программах

такого рода интервьюеры нередко демонстрируют невежливость и разнузданность, намеренную фамильярность ради популярности у зрителей. Особенно ярко проявляется это в передачах, ориентированных на молодежь и подростков. Несомненным является наличие связи между телепередачами, видеофильмами, популярными в молодежной среде, и социокультурными доминантами. Так, по данным нашего исследования, 36,5% подростков ассоциируют себя с героями боевиков.

Сегодня налицо дефицит подростковых и юношеских программ, пользующихся популярностью у молодежи. Так, по результатам нашего опроса, интерес к детским и молодежным передачам проявляют лишь 15% подростков, а к криминальной хронике — 58%. Проблема состоит в том, что создание молодежных каналов и программ — сложный процесс, требующий высокого профессионализма, знания подростковой культуры и психологии. К тому же, эти программы вряд ли могут быть выгодны с коммерческой точки зрения.

Связь телевизионного насилия и агрессивного поведения зрителя определяется целым рядом факторов. Прежде всего к ним относятся социально-демографические особенности реципиентов, которые позволяют отнести детей и подростков к так называемой “группе риска”. Некоторые исследователи считают, что низкий социально-экономический уровень жизни усиливает негативный эффект: дети из семей с более низким материальным уровнем чаще смотрят и одобряют насилие, получая от него большее удовлетворение, а также четче идентифицируют себя с телегероями. Данная тенденция была отмечена и в рамках нашего опроса.

Другим, не менее весомым фактором (который опосредует влияние телевизионного насилия) является личное окружение (семья, школа, сверстники), которое может осуществлять социальный контроль или же способствовать формированию критического отношения к получаемой информации. Позитивные отношения в семье, доверие к родителям со стороны ребенка снижают эффект негативного воздействия телевизионной агрессии. При этом следует заметить, что последствия влияния СМИ всегда опосредуются реальными условиями жизни человека.

Суммируя вышесказанное, сделаем некоторые выводы.

Подростковая субкультура, являясь продуктом усвоенных в процессе социализации ценностей и норм общества, обуславливает новый “культурный порядок”. Социализация сегодняшних украинских подростков происходит в период, характеризующийся отсутствием устоявшейся системы ценностей, экономической нестабильностью, поляризацией социальных групп, достаточно агрессивным и неконтролируемым воздействием средств массовой информации.

Основной чертой современной социокультурной ситуации является неопределенность жизненной стратегии молодых людей, которая естественным образом вызывает страх перед будущим, связанный с экзистенциальной потребностью в безопасности. Самоопределение в подростковом возрасте предполагает переход на иной уровень в иерархии потребностей. Возникает потребность в дополнении, принятии, романтической любви. Однако увеличение количества потребностей личности, не сопровождаемое ростом возможностей их удовлетворения, ведет к фрустрации, провоцирующей агрессивное поведение. Поскольку основным “тормозом” этих агрессивных тенденций является система культурных ценностей и норм (направляющих и трансформирующих агрессивную энергию организма), про-

явления агрессии будут зависеть от развития когнитивных способностей подростка, его самосознания.

Семья как первичная социальная группа — уникальная культурная среда для личности ребенка. Важнейшим условием эффективной социализации и предупреждения агрессивных форм поведения является развитие мотивации привязанности, посредством которой ребенок научается желать интереса, внимания и одобрения окружающих и, в первую очередь, собственных родителей. В качестве вторичного подкрепления привязанность затем может обуславливать приспособление ребенка к социальным требованиям и запретам. В этой связи следует подчеркнуть, что важным условием развития агрессии являются не только социальное научение как таковое, но и фрустрация, возникающая и при отсутствии родительской любви, при избыточных ее проявлениях.

Формирование просоциального, неагрессивного поведения подростка связано не только с механизмами отсутствия подкрепления или активного наказания, но и обязательно (и, может быть, в первую очередь) с активным социальным научением неагрессивным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности. Ведь наиболее выраженное различие между агрессивными и неагрессивными детьми обнаруживается не в личностном предпочтении агрессивности, а в незнании конструктивных решений. Таким образом, процесс социализации неагрессивного поведения включает приобретение определенных знаний и социальных навыков, а также “воспитание” системы личностных диспозиций и установок, на основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Вместе с тем, каким бы значительным ни было влияние семьи, на этапе вторичной социализации (в школьные годы) происходит переориентация подростка с родителей, учителей (и вообще старших) на ровесников. В это время актуализуется потребность в близком друге и, одновременно, в коллективе. Процесс социализации в подростковом возрасте осуществляется главным образом в контексте подростковой субкультуры. Последняя весьма неоднородна, включает множество различных, подчас враждебных друг другу течений. Кроме того, как и все юношеские “свойства”, она изменчива. Реальность ее отражается в целом ряде юношеских компонентов: специфическом наборе ценностей и норм поведения; определенных вкусах, форме одежды и внешнем виде; чувстве групповой общности и солидарности: характерной манере поведения, ритуалах общения.

Учитывая огромную роль социокультурной детерминации агрессивного поведения, стратегия мер, направленных на регуляцию и снижение деструктивных форм поведения, должна опираться на знание, с одной стороны, мотивов целерациональной агрессии, а с другой — механизмов закрепления ценностно-рациональной агрессии в подростковой культуре. Для этого очень важно “внедрить” в культуру, в повседневный образ жизни современного человека, в жизнедеятельность современного общества и государства гуманитарный потенциал универсальных общечеловеческих ценностей, определить ценностные приоритеты. Идеи этической системы ценностей, “помогающих” отношений и эмпативного понимания должны лежать в основе системы воспитания и идеологии СМИ.

В условиях глобализации накопленный цивилизацией потенциал универсальных общечеловеческих ценностей, трансформированных (с учетом

национальных культур) в высокоэффективные информационно-мировоззренческие технологии, способен превратить ненасилие в повседневный образ жизни современного человека, в практику жизнедеятельности общества и государства. Исходя из этого, возрастает значимость идеи этико-гуманистического подхода, признающего относительную свободу личности от среды, а также возможность социоантагонистического влияния на развитие как агрессивности, так и позитивной открытости личности.

Понимание этой возможности должно расставить надлежащие акценты в системе ценностей и вести к утверждению этических (в том числе и этико-христианских) ценностей и принципов жизни, к построению этико-гуманистической системы воспитания и развития личности.

Литература

1. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. — М., 1996. — С. 462–468.
2. *Шинюнова Т.В.* Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. — 2002. — № 5. — С. 67–76.
3. *Кон И.С.* Психология ранней юности. — М., 1989.
4. *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988.
5. Підліток у великому місті: фактори та механізми соціалізації / За ред. Л.Г.Сокурянської. — Харків, 2000.
6. Человек и агрессия. “Круглый стол” ученых // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С. 92–106.
7. *Журавлев В.С.* Почему агрессивны подростки? // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 134–136.
8. *Дроздов А.Ю.* Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // Социологические исследования. — 2003. — № 4. — С. 95–98.
9. *Волянская Е., Пилипенко В., Сапелкина Е.* Социокультурная детерминация подростковой агрессии. — К., 2004.
10. *Ковалева Т.В., Степанова О.К.* Подростки смутного времени (к проблеме социализации старшеклассников) // Социологические исследования. — 1998. — № 3. — С. 56–63.
11. *Резан А.А.* Агрессия в структуре поведения возбудимой и демонстративной личности // Ананьевские чтения –97. — СПб., 1997. — С. 13–16.
12. *Eron L.D., Walder O., Tiogo R., Lefkowitz M.M.* Social Class, Parental Punishment for Aggression and Child Aggression // Child Development. — 1963. — № 34. — P. 849–867.
13. *Eron L.D., Huesmann L.R.* The Control of Aggressive Behavior by Changes in Attitudes, Values, and Conditions of Learning // Advanced in the Study of aggression. — Orlando, 1984. — Vol.1. — P. 139–173.
14. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 2000.
15. *Казаков В.С.* Наркомания как форма молодежного протеста // Молодежь Украины и наркомания / Под ред. В.Е.Пилипенко, Ю.А.Привалова. — К., 1998. — С. 55–99.
16. *Кон И.С.* Психология старшеклассника. — М., 1982.
17. *Buss A.* Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. — N.Y., 1994. — P. 3–18.
18. *Huesmann L.R., Eron L.D., Lefkowitz M.M., Walder L.O.* Stability of Aggression over Time and Generations // Development Psychology. — 1994. — № 20. — P. 1120–1134.
19. *Eco U.A.* Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics // Daedalus. — 1984. — Vol.114. — P. 150–172.